

Качество: аккуратность

ЭКЗАМЕН

Елена Дубровская

Не знаю, кого куда тянет, а Генку Круглова тянуло в Англию. Хотя он пока ещё там не был, но всё ему казалось в Англии особенным, изысканным и привлекательным. Что такое «изысканность», Генка, может быть, и не знал, но чувствовал, что отыскать он это сможет только в Лондоне. И попадёт он туда уже через полгода по программе «Школьники по обмену». И жить он там будет в английской семье, где нет его сумасшедшей сестры и всего этого домашнего занудства: «Убери! Помой! Разбери! Разложи!» И поэтому сейчас Генка «наводил мосты». Он переписывался с девочкой, которую звали не как-нибудь, например, Маша Петрова, а Амелия Фэйн. Ей тоже 14, и она истинная англичанка. Правда, как выяснилось, с русскими корнями, но это была аж прабабушка, поэтому данное обстоятельство Генка посчитал не то чтобы незначительным, но даже полезным для себя. Амелия давно и активно изучала русский язык. Поэтому, чтобы попрактиковаться, писала ему исключительно на русском.

- Что тебе нравится больше всего в человеческом характере?
- Ум, красота и юмор.
- Я есть другая, – Генка в который раз улыбнулся её манере строить предложение.
- Надо говорить просто – «я другая».
- Хорошо.
- Ты такая. Мы с тобой уже месяц общаемся, так что я лучше знаю.
- Спасибо!
- А что для тебя самое главное в человеке?
- Честность, дисциплина и ...аккуратность.

Эти слова на Генку произвели эффект взорвавшейся бомбы. На самом деле комната Генки так и выглядела, как будто в ней взорвали бомбу из смеси одежды, остатков еды, преимущественно фастфуда, и каких-то разных маленьких, непонятно откуда взявшихся предметов. Генка осмотрел этот устоявшийся в его жизни хаос и подумал: «А что сразу не святой?», однако, выдержав паузу, уверенно сказал: «Тебе повезло, я такой и есть!» В это

время мама четвёртый раз позвала Генку ужинать. И так как в голосе уже чувствовалась угроза, Генка решил закругляться.

– Ладно, меня зовут. До завтра, – и он выключил скайп. Он уже вставал из-за стола, когда от Амелии пришло сообщение: «Great!!! I will be in Russia in three months and will see all with my own eyes¹».

С английским у Генки было не очень, а если честно сказать, совсем плохо. Поэтому он быстро скопировал и вставил ответ Амелии в переводчик. За ужином семья с удивлением смотрела на притихшего Генку. Он ковырял вилкой в тарелке, а его глаза сверлили маленькое грязное пятнышко на скатерти. Первой не выдержала его мама:

– Гена! Ты где?

И только голос его младшей сестры Тони смог вернуть Генку в семью:

– Он со своей Амелией. Трудно из одной атмосферы сразу попадать в другую. По себе знаю.

Генка скривил лицо, всё его существо протестовало. Почему его маленькая – всего девять лет! – сестра постоянно суется во всё?! Почему?!

– Мама, а ты точно уверена, что вы оба наши родители, и никого из нас не усыновили?

– Точно.

– Я пойду есть в комнату!

Но тут от своих документов оторвался вечно занятой папа Генки.

– Нет, сын. Это нехорошая идея. Если ты ещё раз там поешь и не уберешься, у нас кроме Тониного Руди ещё и крысы поселятся.

– Фу-у-у, – теперь Тоня скорчила неприятную гримасу. И засунула высунувшуюся ящерицу поглубже в карман.

– Рассказывай, что случилось? – спросила мама, усевшись поудобнее, словно приготовилась слушать долгую, захватывающую историю.

Генка с сомнением посмотрел на сестру, как бы прикидывая масштаб бедствий. Но разум говорил, что рано или поздно она всё узнает, так лучше сейчас всё рассказать, чем допустить, чтобы потом Тоня начала детективное расследование.

¹ Отлично!!! Я буду в России через три месяца и увижу всё своими глазами.

– Амелия приезжает через три месяца.

Папа даже отложил документы, улыбнулся своей широкой, обаятельной улыбкой и, хлопнув сына по плечу, воскликнул:

– Так это же замечательно!

– Да, только она думает, что я говорю по-английски... А ещё, что я самый аккуратный и дисциплинированный паинька, – все молчали, и Генка решительно поставил точку, – да, и никогда не вру.

Генкин папа почему-то вопрошающе посмотрел на жену, а она как-то вся выпрямилась и быстро начала убирать со стола. Только Тоня была в своём репертуаре:

– Так бывает. Трудности перевода...

Генка уже минут пятнадцать сидел за столом, пока не подошла мама.

– Знаешь, когда я училась в институте, за мной ухаживал один парень, но я не могла его познакомить с родителями, потому что они бы не выдержали его манер за обеденным столом. И тогда я взялась за его воспитание.

– Получилось?

– Конечно! Вон, смотри, – мама кивнула на папу Генки, делающего какие-то пометки в рабочих тетрадках. – Но только без его желания ничего бы не вышло.

– У меня оно вот-вот тоже появится. Так что можешь попрактиковаться теперь на мне.

– Есть такое выражение: «Учитель появляется тогда, когда готов ученик». Только повнимательней будь, не упусти его.

– Ты сейчас отказалась помогать сыну?

– Я сейчас направила сына на правильный путь.

– Хорошо, а с английским что делать?

– С этим я могу помочь. Есть один курс, где очень быстро учат разговорному английскому.

– Мне туда!

– Мы с папой оплатим твой английский, но у меня будет одно условие.

– Да легко! Хоть посуду целый месяц буду мыть.

– На курсы ты пойдёшь вместе со своей сестрой.

– Я так понимаю, посуда не рассматривается?..

За столом сидели девять человек. Почти все были одного возраста, не считая Тони и маленького вундеркинда со скрипкой. Педагога звали Светлана Владимировна, и говорила она очень спокойно и уверенно.

– Я рада вас видеть на нашем курсе! Сегодня мы начинаем удивительное путешествие в невероятно красивый мир английского языка. На этом занятии мы запомним первые 80 слов, а со следующего занятия мы с вами уже начнем говорить. Пожалуйста, возьмите свои карандаши, откройте тетради и приступим.

Этот курс английского оказался просто каким-то чудом! На занятиях требовалось, как в детстве, раскрашивать рисунки, одновременно повторяя слова, которые таким образом попадали во все виды памяти. А после этого удавалось легко строить предложения, потому что не приходилось мучительно вспоминать нужные слова. Делать всё нужно было быстро – только успевай брать разноцветные карандаши и раскрашивать разные мелкие детали картинок. И вот тут внимание Генки привлекло кое-что, чему не удалось найти точного объяснения. На одной из парт карандаши лежали в идеальном порядке, а мелькающие руки умудрялись с невероятной скоростью брать нужный и потом возвращать его на то же самое место! Такого, очевидно, удалось добиться или постоянными тренировками, или заикленностью на порядке. «Вот и учитель!», – мелькнуло в Генкиной голове, и глаза перескочили на владельца рук. Им оказалась обычная девчонка, даже без крыльев.

В перерыве Генка уверенно подошёл к ней и сразу перешёл к интересующей его теме.

– Тебя же зовут... Э-э-э... – Генка замялся, а его глаза умоляли помочь.

– Арина.

– Точно! Просто первый раз такое имя слышу. Короче, мне нужна твоя помощь.

– Моя? Ты не ошибся?

– В твоей комнате идеальная чистота?

– И что?

– Ты хоть раз куда-нибудь опоздала? – Генка совершенно не замечал, что их разговор с Ариной слушают все.

Арина молчала, но и так было понятно, что никогда и никуда она не опаздывала. Генка ликовал!

– Нам вместе ходить на английский три месяца. Пожалуйста, мне очень нужно, чтобы ты научила меня, – тут Генка опять замялся, какое слово подобрать... чистоте? Как-то глупо звучит...

И вдруг, вспомнив слова Амелии, громко выпалил:

– Дисциплине и аккуратности!

За спиной послышался чей-то смешок. Генка обернулся и заметил, наконец, что на них смотрят все ребята с курса и о чём-то перешептываются между собой. Но слова, прозвучавшие в ответ, мгновенно установили тишину.

– Нет! Этому невозможно научить. С этим рождаются. – Арина сказала это как-то очень печально, затем повернулась и пошла к своему столу.

Перерыв закончился.

На второй части занятия ребята многозначительно переглядывались, а после урока все дружно решили помочь Генке уговорить Арину. И когда на её лице появилось сомнение, Генка быстро перечислил все найденные им плюсы.

– Во-первых, ты сможешь проверить свою теорию на деле, ну-у, ту... что люди не меняются. Во-вторых, я не буду выглядеть в глазах Амелии вруном. И, самое главное, в Лондоне никто не скажет, что русские – невоспитанные грязнули. Арин, соглашайся!

Последней положительной каплей стали слова вундеркинда:

– Арина, может быть, тебе лично это и не надо, но если посмотреть на это с позиции, что жизнь дана для помощи другим, то это – высокая цель!

Было решено выработать план, включающий в себя всё, чему Генке предстояло научиться за три месяца. Дел оказалось так много, что его затея начала казаться несбыточным сном. План, со свойственной ей аккуратностью, принесла Арина, и он занял почти всю стенку в его комнате. Чего там только не было! Стрелочки, картинки, правила и даже приклеенные закрытые конвертики, на которых было написано «Экзамен».

Все с курса тоже активно включились в работу и даже распределились по направлениям. Научить, как дома быстро навести порядок и чистоту, взялась сама Арина. Умение вести себя за столом и в обществе обеспечивали Соня и Кирилл; у их родителей было литературное кафе, что обеспечивало возможность попрактиковаться. Даниилу, который учился с Генкой в одной школе и всё время опаздывал на английский, поручили отвечать за пунктуальность. Отработать навык правильно выражать свои мысли взяли на себя утончённая Анжелика и

маленькая Мила. Немного разобраться в классической музыке (базовый уровень, чтобы не опозориться) обещал помочь вундеркинд, но все звенья цепи контролировала Арина, аккуратно записывая результаты в свой специально заведённый по этому поводу блокнот. И вот всё завертелось! Первый месяц этого верчения можно было смело охарактеризовать как стихийное бедствие, причём абсолютно для всех. Как только Арина перешагнула порог Генкиной комнаты, всё пошло не так. Он старательно убирался перед её приходом, но хоккейная клюшка как будто специально выпрыгнула из-под кровати. Арина споткнулась и, немного пролетев, приземлилась на тумбочку. У тумбочки не было одной ножки, поэтому она покосилась, Арина упала на пол, дверца шкафа приоткрылась, и на неё с переполненных полок посыпалось всё, что Генка перед её приходом туда запихнул. А запихнул он туда немало... Арина встала и открыла шкаф. Из него, как снежный ком, на пол вывалилась одежда, а завершающим аккордом стало падение ящерицы Руди прямо Арине на голову. На её визг мгновенно прибежала Тоня, которая с радостным криком «Нашёлся!» попыталась снять с головы Арины своего любимца. Когтистая лапка Руди зацепилась за бисерную заколку, и та порвалась, рассыпав бисер по всему полу Генкиной комнаты.

В литературном кафе за столиком сидела пожилая пара, и женщина в немыслимой шляпке что-то рассказывала о Бунине. А когда Соня, Кирилл и Генка проходили мимо, она улыбнулась им и обратилась к своему спутнику:

– А говорят, что современная молодёжь не читает.

Генка, протискиваясь между её стулом и соседним столом, решил проявить вежливость.

– Врут.

В этот момент его рюкзак зацепился за кружевную шаль женщины, и Генка, чтобы отцепиться, немного его дёрнул. Что-то треснуло, потом зашумело и задвигалось. Шаль оказалась старинной и очень ценной. Ребята как-то попытались извиниться, но из кафе им пришлось уйти.

И так во всём. Чем больше они с Даней хотели быть пунктуальными, тем чаще опаздывали. Вся классическая музыка оказалась совершенно одинаковой и занудной, а слова, которые надо было правильно произносить, никак не запоминались.

Мила и Анжелика придумывали всякие схемы для запоминания.

– Запомни! Чулки длинные, а говорим «много чулок». Носки короткие, а говорим длинно – «носков». Генка чувствовал, что вот-вот взорвётся.

– Ну это мне зачем?! Вы правда думаете, что я с Амелией буду говорить про чулки?!

Анжелика посмотрела на Генку как на совершенно безнадёжного человека.

– А ты хочешь быть только для неё хорошим? А для всех остальных – привычным разгильдяем?

Всем стало казаться, что теория Арины подтверждается. Но однажды всё изменилось. Шло обычное занятие английского, и Генка вдруг увидел, как у Арины сломался карандаш. У кого угодно, но у неё не мог сломаться карандаш! Но тут у неё сломался ещё один, а потом на тетрадку капнула слеза. Арина подняла глаза и встретилась с Генкой взглядом. Её глаза умоляли его молчать. И он молчал. Молчал до конца занятия, а потом предложил её проводить. Они шли по заснеженному Петербургу, и Генка не знал, как утешить эту девочку. До сегодняшнего дня он даже предположить не мог, что Арина тоже человек, который имеет чувства, мысли, желания, что у неё так же, как и у всех, есть проблемы, и ей, может быть, нужна помощь. И тогда он тихонечко, словно чего-то опасаясь, взял её за руку.

– Давай ты мне всё расскажешь. Это помогает, я точно знаю.

Арина не отдернула руку, а только сжала её в кулачок, словно хотела её согреть.

– Мой папа сильно болел и умер полгода назад. Мы остались с мамой вдвоём. У меня очень хорошая мама, только она сильно затосковала. Она перестала улыбаться и почти всегда молчала. Я не знала, как ей помочь, и решила научиться всему, из-за чего она меня всегда раньше ругала. У нас стала идеальная чистота, я готовлю еду, пеку пироги... Но ничего не изменилось, и я решила, что не справилась.

– Так ты не родилась такой? Ты стала такой ради мамы? – Генка был ошарашен.

– Да... – и вдруг Арина остановилась, повернулась к Генке и заглянула ему в глаза. Заглянула так глубоко, как он сам никогда в себя не заглядывал.

– А сегодня мама впервые после похорон отца заплакала. Она так меня благодарила, просила прощения. И спросила, что может для меня сделать, чего я хочу больше всего.

– Ты сказала?

– Да. Я попросила, чтобы она опять стала улыбаться.

Генка смотрел на огромные слёзы, катившиеся по белоснежному лицу Арины.

– А она?

– Она улыбнулась.

Арина больше не сдерживалась. Она рыдала Генке в плечо. И вдруг ему показалась, что его история какая-то маленькая, неинтересная, и мотив очень слабенький. В этот самый момент Генка действительно захотел измениться, и сразу всё стало по-другому.

Арина научила Генку невероятным, чудесным вещам, которые навсегда преобразили его комнату. В шкафу теперь было много места, потому что все вещи лежали смешными аккуратными цилиндриками. А с Даней они теперь не только успевали в школу, но ещё и успевали позавтракать. Это обернулось большой экономией карманных денег. Мила и Анжелика устраивали ему ежедневные экзамены на всякие ударения и окончания. Генка был на высоте.

– Надевают одежду, одевают Надежду, – девчонки аплодировали.

На ужине в литературном кафе Генка был неподражаем. Во-первых, мастерски справился со всеми вилками, ножами и салфетками, а во-вторых, провёл безупречную беседу с родителями Сони и Кирилла о литературных новинках этого года. Было только тяжело на уроках английского, потому что его теперь постоянно отвлекала улыбка Арины. Иногда казалось, что без её улыбки день какой-то серый и скучный. Его взгляды на Арину замечали все, и весь курс с большим волнением ждал развязки сложившейся ситуации. Ждать пришлось недолго.

Светлана Владимировна обвела взглядом всех ребят.

– Три месяца прошли очень быстро. Знаете, у меня ещё ни разу не было курса, который бы так сдружился, как вы. Завтра у нас экзамен, а потом предлагаю сделать чаепитие.

Но почему-то все смотрели не на Светлану Владимировну, а на Генку. Соня, как самая старшая в группе, взяла инициативу в свои руки.

– Светлана Владимировна, завтра к Генке его Амелия из Лондона приезжает. Можно она на чаепитие придёт? Мы как раз попрактикуемся с носителем языка!

Все подхватили, зашумели и стали договариваться, кто что принесёт к чаю. Арина подошла к Генке.

– Только, пожалуйста, надень на встречу что-то попримечнее. Ты всё помнишь?

Генка машинально кивнул и вконец растерялся. Цель понравиться Амелии давно стала неактуальной, как и желание уехать в Англию. А вот процесс преобразования захватил его, как увлекательная игра, как яркое событие в жизни. И, конечно, до последней минуты он до конца

не понимал, как много стала значить для него эта маленькая, хрупкая, но очень сильная девочка.

Геннадий Малышев стоял в белой рубашке, пиджаке и с букетом цветов, и обречённо смотрел, как к нему подходит счастливая Амелия.

– О! Это есть комплимент?

– Это цветы. Как долетела?

– Спасибо. Хорошо. Я есть встречаемая моей тётей. Напиши адрес, где я должна приехать.

Амелия протянула ему блокнот с ручкой, а сама кому-то замахала. Генка записал адрес.

– Сначала экзамен, а в шесть будет чаепитие. Приезжай к шести.

– Хорошо. Встретимся скоро.

Радостная Амелия побежала к родственникам. Через несколько секунд она опять подбежала к Генке.

– Моя тётя есть аллергичная на цветы. Ей нельзя цветы, – она сунула в руки Генки его букет и убежала снова.

На экзамен не пришла Арина, и для Генки это стало маленькой катастрофой. Он надеялся, что она почему-то опаздывает и придёт на чаепитие, поэтому не отрываясь смотрел на дверь, пока в неё не зашла такая же, как и утром, счастливая Амелия. Весь курс наблюдал страдания на лице своего товарища. Когда Амелия на минутку выпустила из своего поля зрения Генку, Кирилл, стоявший рядом, впечатал в его белоснежную рубашку свой кусок торта. Глаза Генки сначала расширились, а потом он увидел ещё более расширенные глаза Амелии и Кирилла, посмотревшего на Амелию взглядом, полным сочувствия.

– Гена, ну что ты как всегда! Не обращайтесь внимания, у кого не бывает!

В этот самый момент элегантный Даня подхватил Амелию под руку и повел к столу.

– Мы так рады за Гену, что ты приехала. Хорошо, что ты говоришь по-русски, а то как бы вы общались?

– Гена знает английский.

– Гена – мой друг, поэтому ты не сердись на него, просто он хотел тебе понравиться. Сегодня Гена завалил экзамен. У него это... неспособность к языкам.

Амелия уже не так восторженно посмотрела в сторону Гены, который, пытаясь салфетками счистить с себя остатки шоколадного торта, размазывал его по всей рубашке. Тут вундеркинд поставил музыку, и Даня со словами «Он не обидится» пригласил Амелию танцевать. Грязного Генку пригласила Анжелика. Во время танца она постоянно наступала ему на ноги, из-за чего их танец смотрелся очень неуклюжим. Амелия с удивлением смотрела на эти скачки, а Даня невозмутимо пояснил:

– Просто танцы – это не его. Зато он чемпион по сбиванию пустых банок.

Больше Амелия старалась не смотреть в сторону Генки. А он продолжал смотреть в сторону двери, пока Тоня не шепнула ему на ухо: «Иди к ней».

Генка не шёл, он бежал. Когда Арина открыла входную дверь, перед ней стоял весь грязный, растрепанный, но невероятно счастливый Генка. Он держал в руке её заколку.

– Вот. Я починил.